Андрей Буторин

БутАстика (том II)

4. Любовная фантастика. Рассказы

5. Детская фантастика. Повесть, рассказы

6. Сюрреализм, прочее. Миниатюры, рассказы

Андрей Буторин

БутАстика (том II)

«Издательские решения»

Буторин А.

БутАстика (том II) / А. Буторин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747573-4

Во втором томе сборника фантастических рассказов, объединенных общим названием «БутАстика», писатель-фантаст Андрей Буторин предлагает читателям произведения, представляющие поджанры «любовная фантастика», «детская фантастика» и «сюрреализм, прочее».

ISBN 978-5-44-747573-4

© Буторин А.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Я буду любить тебя вечно 8
Три кита 8
Люба 13
Ради любви 18
На хрена козе баян? 23
Полюбить мечту 26
Антигорох для «принцесс» 31
Конец ознакомительного фрагмента. 34

БутАстика (том II)
Андрей Буторин

© Андрей Буторин, 2016
© Андрей Буторин, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Мысль сделать сборники моих рассказов появилась у меня давно. Я начал писать фантастику в 90-х годах прошлого века, и, как водится, сначала это были рассказы. Но и позже, когда были написаны и изданы произведения крупной формы, рассказы я тоже вниманием не обделял. Что-то возникало спонтанно, в результате «творческого озарения», что-то писалось для конкурсов, таких как «Рваная грелка», «КолФан» и пр., что-то создавалось специально для журналов и сборников.

Кстати, о журналах и сборниках. В них на сегодняшний день опубликовано более тридцати рассказов. Это такие журналы как «Если», «Техника-молодежи», «Знание-сила: Фантастика», «Юный техник» и другие, менее известные, в том числе и зарубежные. В итоге мои рассказы увидели свет в таких странах как Россия, Великобритания, Канада, Израиль, Латвия, Украина и США.

Однако я не стал делить рассказы для задуманных сборников на те, что уже опубликованы (есть такие, что и не единожды), и на те, что так еще и не видели свет. Не думаю, что факт публикации автоматически делает текст лучше. Мало того, я даже оставил все рассказы в первоначальном виде, без той переработки, что требовали некоторые издания. Единственное, что я позволил себе, это еще раз сделать вычитку и провести минимальную редактуру с позиции моего нынешнего опыта, а также реалий сегодняшнего дня.

Произведения наверняка неравноценны по стилистике, уровню подачи материала, занимательности сюжета и прочим литературным параметрам, ведь писались они в разное время – и когда я еще только начал приобщаться к литературному творчеству, и когда приобрел уже какой-то опыт. Тем не менее, я не стал делить их по признаку новые-старые, потому что все они для меня родные дети, с каждым что-то связано, каждый чему-то меня научил. Не стал я и сортировать их по датам написания, посчитав, что это вовсе не самое главное.

Я провел деление по другому принципу. Хотя все рассказы принадлежат любимому мною жанру фантастике, но тематика у них очень разная; она представляет такие поджанры как фантастика научная, юмористическая, любовная, проза для детей и юношества, мистика-ужасы, сюрреализм… В связи с тем что рассказов накопилось много, порядка восьмидесяти, и все они представляют перечисленные выше направления, я решил сделать объединенный сборник в двух томах, где создал отдельные разделы – каждый по своей тематике. Объединяет их придуманное мною название «БутАстика»; потому что это Буторин Андрей, и потому что это фантастика.

Во втором томе «БутАстики» я выношу на суд моих уважаемых читателей рассказы, представляющие поджанры «любовная фантастика», «детская фантастика» и «сюрреализм, прочее».

«Любовной фантастики» у меня не очень много, но все-таки на небольшой раздел хватило.

Что касается «детской фантастики», то писать для детей, для подростков, для юношества в целом мне очень нравится. Надеюсь, и моим юным читателям понравится то, что я делаю для них.

Последний из шести разделов принадлежит не только поджанру «сюрреализм», как я планировал вначале, но в него также вошли и несколько рассказов, не относящихся напрямую ни к одному из представленных в этом сборнике поджанров. Также я разместил здесь и миниатюры, которые вообще относятся к разным жанрам/поджанрам, даже не всегда к фантастике.

Приятного чтения, дорогие друзья! Жду ваших отзывов.

Искренне ваш,

Андрей Буторин

Я буду любить тебя вечно (Любовная фантастика. Рассказы)

Будь хоть сто параллельных миров,
Пусть в игру нами кто-то играет —
Все равно побеждает любовь,
Хоть она этих правил не знает.

И в программе ее не учесть —
Для нее не придумано кода,
Потому что любовь просто есть,
Как есть крылья у птиц для полета.

Разлетаются в бездне миры,
Словно битою их кто-то вышиб…
А любовь все равно вне игры,
Потому что она ее выше.

(Стихи автора)

Три кита

Писатель смотрел на море. Темное, угрюмое, раздраженно-ворчливое, оно совсем не походило на себя летнее, хотя все равно завораживало, притягивало взгляд.

Он давно мечтал приехать сюда поздней осенью или зимой, чтобы получать вдохновение от моря и в то же время не отвлекаться на курортную суету, не поддаваться всеобщему настроению безделья и празднества.

Наконец свершилось. Он здесь, у ноябрьского моря. Чувствует на губах вкус солоноватой водной пыли. Вдыхает пряный холодный воздух, который все еще держит в себе остатки запахов лета. Небо, как и море, тяжелое, хмурое. Но это и к лучшему; такое небо не дает расслабляться, настраивает на рабочий лад.

Впрочем, работать почему-то не хочется. В голове ни одного сюжетного хода, не рождаются образы. Может быть потому, что он еще не надышался, не налюбовался тем, к чему так долго стремился? Да и куда спешить? Времени теперь предостаточно.

Писатель вздохнул, невольно вспомнив Ларису. Жену. Теперь уже бывшую. Но боль потери ушла, осталась где-то там, далеко-далеко, откуда он прибыл. Теперь он чувствовал только легкую горечь, едва уловимую, как вкус морских брызг.

Странно, но он сейчас, подумав, что Лариса далеко, вовсе не стал вспоминать, где именно. Будто памяти это было совсем безразлично, не нужно. Словно он приехал не из конкретного города, а появился здесь и сейчас ниоткуда – просто возник из холодного, напитанного морскими брызгами воздуха, и все его мысли и чувства сотканы из солоноватой, с привкусом легкой горечи пыли.

Отвлекшись на эти путанные размышления, писатель не заметил, откуда на пустынном галечном пляже взялась она… Женщина в синем закрытом купальнике. Будто бы тоже соткалась из густого, влажного воздуха. Или вышла из моря, что казалось сейчас еще большей дикостью.

Хрустнула галька – и он увидел ее. Она стояла, склонив голову набок и вытирала полотенцем длинные темные волосы. Впрочем, темными они казались потому, что были мокрыми. Как и ткань купальника; как и покрытая мелкими пупырышками кожа.

Писатель невольно поежился.

– Вы что, купались?..

– А почему нет?

– Но ведь очень холодно!

– И что?

Вероятно, она предпочитала отвечать на вопросы вопросами. А может выбирала такую манеру как защиту от любопытных мужчин. Подумав так, он смутился.

– Да нет, ничего. Извините. Просто… неожиданно как-то. Мне вот и в плаще холодно. – Он снова поежился. Причем совершенно невольно, всего лишь от взгляда на «гусиную кожу» купальщицы.

– А вы знаете, что холода нет? – внезапно спросила она.

– Как это нет?

– Очень просто. Его нет в принципе. Это условность, придуманная людьми. Холода нет, есть отсутствие тепла. Как нет темноты…

– …а есть отсутствие света, – улыбнувшись, закончил писатель.

– Но не это самое страшное, – кивнула она, продолжая вытирать волосы.

– А что?

– Неважно. Если не знаете, то говорить бесполезно. – В голосе женщины послышался холодок. Похоже, она сожалела, что начала эту тему.

Раздосадованный, что огорчил незнакомку, писатель обернулся к морю. Набежавшая волна, перекатывая гальку, хмуро пробормотала: «Дурррак!..»

Когда он вновь посмотрел назад, женщины уже не было. Неожиданно для себя он почувствовал от этого еще большую досаду, почти отчаяние. Любоваться морем расхотелось. Швырнув в презрительно бормочущие волны камень, писатель развернулся и зашагал к поселку, за которым вздымались приплюснутые тяжелым небом покатые холмы неприветливой раскраски, словно накрытые камуфляжной сетью: желто-бурые пятна осенней листвы, темно-серые проплешины голого леса, редкие островки вечнозеленых крон. Он вышел с пляжа и ступил на бетонную розово-серую мозаику пустынной аллеи, усыпанную опавшими листьями.

Серый плащ женщины почти слился с темными стволами деревьев, поэтому он заметил ее, лишь когда поравнялся вплотную. Ее волосы оказались русыми. Почему-то это первым бросилось ему в глаза и обрадовало. Он не хотел темноты, ведь темнота – это отсутствие света.

Она шагнула к нему и взяла под руку. Так, словно делала это тысячи раз. Так, словно поиному и быть не могло. Будто ходили они к морю вместе, а теперь возвращались домой.

Они пришли к нему, так и не проронив по дороге ни слова. В голове писателя все еще звучало: «Если не знаете, то говорить бесполезно». Теперь он мог ответить ей: «А если знаете – тогда тем более незачем». Теперь он знал. То же, что и она. А потому они оба молчали. О, им было о чем помолчать!..

Он проснулся счастливым. Впервые за… сколько там лет?

Но ее рядом не было. Он вскочил со скомканной простыни и метнулся на кухню. Заглянул в темную ванную, приоткрыл дверь туалета… Однокомнатная квартира, которую он снял, приехав сюда, показалась куда более пустой, чем в тот раз, как он переступил ее порог впервые.

Застонав, он рванулся к столу, рухнул в кресло и, едва дождавшись, пока оживет ноутбук, выстучал по клавишам первую фразу: «Она стояла, склонив голову набок и вытирала полотенцем длинные темные волосы».

Он уже знал, что так никуда и не поехал, что море по-прежнему перекатывает гальку далеко-далеко от его города, в который уже пришла почти настоящая зима, припорошив снегом асфальт и раскачивая стылым дыханием заиндевевшие ветви берез. И он вовсе не снимал квартиру в далеком приморском поселке, а купил ее по дешевке здесь, в старой «хрущевке», после развода с Ларисой, оставив той вполне благоустроенную «двушку».

Он писал самозабвенно, потеряв чувство времени, не обращая внимания на голод. Отрывался ненадолго, лишь чтобы разболтать в чашке псевдокофейную бурду и выхлебать ее в три глотка, не чувствуя вкуса. На улицу за три дня он выбрался один раз – кончились сигареты. Спал урывками, не раздеваясь, когда глаза переставали различать буквы, а мозг отказывался воспринимать эти черные закорючки.

Писатель не сочинял – он рисовал словами ярко пылающий в сознании образ. Даже не в сознании, где-то глубже… В душе, в сердце? Она не была Галатеей, ведь он не влюблялся в свое творение, он творил ту, которую уже любил.

С каждым новым словом, с каждой фразой, страницей, главой она становилась все более зримой, настоящей, живой. Она тоже оказалась писательницей. И она тоже писала… про него. Он не сразу понял, когда отстучал очередное предложение, что же вдруг заставило его остановиться. Но когда перечитал написанное, вздрогнул. В последнем абзаце речь шла о том, как женщина с длинными волосами села за компьютер и начала новую повесть. Первое предложение было таким: «Писатель смотрел на море».

Смысл происходящего испугал его. Он захлопнул крышку ноутбука и выхватил из пачки сигарету. Глубоко затянулся, выпустил струю дыма. И подумал вдруг, что этот дым куда более материален, чем он сам. По крайней мере, белесое облако, расплывающееся под потолком, имело какой-то смысл, некое предназначение. А какой смысл был в нем самом? Кому он нужен? Разве что… ей? Писатель скосил взгляд на помаргивающий зеленым индикатором ноутбук. Что же получается? Она необходима ему, и он стал ее создавать… Пусть в иллюзорном, вымышленном мире, но она появилась. Стала живой. И… стала создавать его?.. Бред, чушь! Глупая притча о курице и яйце.

Но, с другой стороны, что он знает о мире? Что такое иллюзорность? Где кончается вымысел и начинается реальность? А самое главное, какой во всем этом смысл? Кому это все нужно? Ведь он только что думал это о себе, но чем весь мир, Вселенная, отличается от него? Разве что только масштабами. Но если она никому не нужна, ее не должно существовать.

Он вспомнил вдруг разговор на пляже. Иллюзорном, реальном – неважно! Она говорила, что нет холода – есть отсутствие тепла; нет темноты, а есть отсутствие света. Но что же должно отсутствовать, чтобы не стало… ничего? Или не «что», а «кто»? Творец, Создатель?..

«Бог есть любовь» – неожиданно выплыло в памяти. И тут же – ее слова: «Не это самое страшное… Если не знаете, то говорить бесполезно». Ну конечно же! Ведь там, в той реальности, неважно где, он понял смысл ее слов. Все-таки понял, а потом забыл… Впрочем, это и не нужно помнить. Это или есть, или нет, иного не дано. Нельзя научиться любить. Но если не любишь – не живешь… Это он тоже где-то слышал. Где-то читал, совсем недавно!..

Взгляд упал на томик Высоцкого. Писатель брал оттуда эпиграфы к своим произведениям, был у него такой пунктик. Он принялся листать книгу и почти сразу нашел те самые строки:

Свежий ветер избранных пьянил,
С ног сбивал, из мертвых воскрешал,
Потому что, если не любил,
Значит, и не жил, и не дышал!

Все верно. Любовь дает смысл происходящему. Любовь делает этот мир реальным, существующим, нужным! Отсутствие любви – это отсутствие всего. Неважно, кого или что ты любишь. Но только любя можно обрести что-то. Пусть это кажется сентиментальной банальностью, но это так. Он перестал любить себя – и его не стало. Перестал любить жизнь – и умер. Нет, не умер – перестал жить. А потом… полюбил ее? А если полюбил, то и создал? Или это она полюбила и создала его? Да какая теперь разница! Он существует, живет, любит – значит, должна существовать и она!

Писатель вскочил, вынул из шкафа дорожную сумку и принялся скидывать в нее вещи.

Он мог бы лететь самолетом, но почему-то выбрал поезд. Скорее всего потому, что неосознанно, подспудно боялся туда ехать. Точнее, боялся не найти ее там и невольно оттягивал миг страшного разочарования. А еще – ему хотелось поразмышлять обо всем спокойно. Под стук вагонных колес так хорошо думается!

И он думал, думал, думал… Чем дальше, тем больше приходящие в голову мысли казались ему бредом, а эта спонтанная поездка – откровенной глупостью. От подобных «озарений» внутри нехорошо, словно больной зуб, ныло; писатель морщился, но выйти и пересесть на встречный поезд все же не торопился. По крайней мере, думал он, удастся наконец-то осуществить давнюю мечту – побывать на море поздней осенью. Можно и зимы там дождаться, до декабря оставалось чуть больше недели.

А потом снова вспыхивала надежда. Фантастические теории начинали казаться вполне реальными. Кто сказал, что мир именно такой, каким его принято считать? Да и кем принято? Всего несколько столетий назад он вообще представлялся людям в виде огромного диска, лежащего на трех китах под замкнутым хрустальным куполом. И так тоже было принято думать. Причем вполне официально. А намного ли мы опередили предков в знаниях, в правильности мировоззрения? Разве что убрали китов и раздвинули хрустальные границы купола. Пусть очень далеко раздвинули, до бесконечности, но эти границы все же остались. Разрушить их совсем не хватило смелости.

Поняв, что решить эти проблемы он все равно не в состоянии, писатель стал мечтать о своей любимой. Он подумал вдруг, что не знает ее имени. Странно, но ему ни разу не приходило это в голову. Собственно, ему и не нужно было ее имя. Ведь оно – всего лишь ярлык, необходимый для того, чтобы выделить кого-то среди подобных. Но для него она была единственной, поэтому нужда выделять ее из кого бы то ни было отсутствовала вовсе.

Хорошо, пусть его любимой не нужно имени. То есть, ее имя не нужно ему. Но ведь в этом мире всему есть свое имя, название, ярлык… Да-да, ярлык, бирка, инвентарный номер. Что не учтено – то бесхозно, того не существует. Есть имя, название – есть человек, вещь, явление. «Без бумажки ты букашка», – вспомнилось вдруг.

Да нет же, нет! Писатель поморщился. Он понял, что дошел в своих суждениях до крайности. Так называемые ярлыки тоже нужны. Они необходимы для общения, для обмена информацией. Как бы он смог писать книги, если бы не было слов? И, кто знает, нет ли прямой зависимости между словами и тем, что они означают? Недаром сказано: вначале было Слово.

Так может, его теория – правда? Он создал свою любимую, написав про нее? А как же быть с ним? Если она «сотворила» его, то он не мог это сделать с ней! Опять он вернулся к вопросу о курице и яйце: что было раньше?

Но почему он зациклился только на них двоих? Потому что ему, кроме нее, никто не нужен?.. Но ведь она могла быть нужной кому-то еще. А сам он? Возможно, и он кому-нибудь нужен? В конце концов, он писатель. Ведь для кого-то он пишет! Кто-то еще, кроме него, видит созданные им миры, слышит голоса населяющих их героев. Многим нравятся его книги, их любят читать.

Любят… Но это ведь не та любовь, без которой нет ничего? Или это неважно, какая она, главное, чтобы была? Ведь холод – это только отсутствие тепла. Но совсем не быть тепла не может, разве что в глубоком космосе. А если оно есть, но его мало, то все равно холодно. Впрочем, кому как… Он вспомнил, как было холодно ему, когда его любимая вышла из ноябрьского моря. Ее кожа была покрыта мурашками, но ей все равно было хорошо. Иначе она бы не полезла купаться. Значит, ей хватило и того незначительного тепла, которого он, казалось, вовсе не чувствовал. Так может, чтобы чему-нибудь существовать, достаточно хотя бы немного любви? Совсем чуть-чуть. А для кого-то и этой чуточки хватит, чтобы быть счастливым. Чтобы просто быть…

И раз они есть, значит, они нужны. Значит, их любят. А потому не стоит ломать голову над нерешаемой задачей, гадая, кто кого создал. Разве это главное? Надо просто любить. И жить. Именно жить, а не существовать! Жить, любить и писать, создавая новые жизни, новые сущности, давая возможность любить тем, кого он создал. И так далее, до бесконечности, а потом еще дальше, и дальше, и дальше!.. Вот тогда-то и рухнет хрустальный купол, тогда и не станет у мира границ… Но для этого нужно, чтобы любить могли все. Хотя бы чуть-чуть. Хотя бы кого-то. Хотя бы себя…

Поезд заехал в туннель и стало темно.

– Мамочка, мне страшно, я боюсь темноты! – захныкала девочка лет четырех, соседка писателя по купе.

– Не бойся, – сказал он. – Темноты не бывает. Просто не стало света. Но это недолго, ведь его не может не стать навсегда.

Словно в подтверждении его слов, в вагоне зажглось освещение.

– Мамочка, дядя волшебник? – зашептала кроха, прижавшись к матери. А затем потянулась и чмокнула ее в щеку. – Мамочка, я тебя люблю. Очень-очень! Правда.

– Я тоже тебя люблю, – шепнула мать дочери и поцеловала беленькую макушку.

Поезд вынырнул из тоннеля, и в окно запрыгнуло солнце. Лампы под потолком погасли.

– Теперь совсем светло! – улыбнулась девочка, кося на писателя большими серыми глазками. – Сначала света не было, потом он был вот такой, – приблизила она друг к другу маленькие пальчики, – а сейчас его вот столько! – Девочка раскинула в стороны руки и засмеялась.

Он улыбнулся в ответ и подумал: свет, тепло и любовь – вот они, те самые три кита, на которых держится мир. Предки вовсе не были ограниченными и глупыми.

Писатель ступил на перрон и сразу увидел ее, выходящую из соседнего вагона. На ней был тот же серый плащ, а длинные русые волосы развевались на легком ветру, наполненном соленой морской пылью.

Она подошла к нему и сказала:

– Меня зовут Ира.[1]

– А меня… – начал он, но она быстро зажала ему рот ладошкой и улыбнулась:

– Я знаю. Ты же сказал… тогда.

Она взяла его под руку, словно делала это тысячи раз, и они зашагали к аллее, выложенной розово-серыми бетонными плитками, а затем по ней – к морю, над которым на сей раз сияло сквозь разрывы в облаках солнце, дарящее миру свет, тепло и любовь.

[1] Ирина – мир (греч.)

Люба

С этой планетой все было не так… Сначала свихнулся анализатор. Инфотехники в таких случаях говорят «зашкалило». Что означает это словечко Сашка не знал и переиначил его на свой лад – «зашквалило». В анализаторе кипел целый шквал эмоций. И пригодная-распригодная эта планета для жизни, и безопасная совершенно, прямо-таки полезная для здоровья, а питаться можно чуть ли не самим воздухом!

Но Сашка-то видел, что планета – пустышка. Камни, скалы, песок… Визуально – ни следа воды. Атмосфера есть, но на глазок явно жиденькая. Тьфу ты! На глазок!.. При таком анализаторе на борту, который может подсчитать количество песчинок на любой планете, указав размер и массу каждой из них. На любой, да вот только почему-то не на этой.

По-всякому выходило, что садиться на планету придется. Надо разбираться с этой ерундовиной. Но Сашке почему-то очень не хотелось этого делать. Странно даже, ведь интересный такой случай! Но не хотелось – и все тут. До отвращения просто.

А потом – бац! – и захотелось. Да еще как!.. Сашка едва удержался, чтобы не бросить тезку навстречу гостеприимным камням. Тезку, потому что «САШ» (space annihilating ship). Удержался, потому что толика рассудка в голове все-таки осталась. Навигатор, в отличие от анализатора, работал исправно. Во всяком случае, Сашка на это надеялся.

* * * * *

За бортом… росли цветы. Целое поле земных васильков. Над полем раскинулось васильковое же небо. Сашку передернуло. Он покосился на анализатор. Ну, разумеется! Воздух – нектар, да и все остальное, словно в раю…

Доверять глазам нельзя, это знают не только спейс-разведчики. Но спейс-разведчики привыкли доверять… тому же анализатору, например. Сломаться он не мог в принципе. Там, если верить инфотехникам, и ломаться-то было нечему.

Но Сашка привык доверять еще и здравому рассудку. Если, конечно, здравому… В чем он уже начинал сомневаться. И все-таки скафандр надел.

– Спейс-разведчик Зверев к первому выходу готов! – отрапортовал Сашка собственному отражению в зеркальной стенке шлюза. – Сейчас поглядим, что тут за чудеса такие.

Спейс-разведчик Зверев ступил в васильки и крякнул. Натурально так, словно селезень, хоть и нечаянно. Да и было отчего крякать! Прямо перед ним сидела, поджав ноги, девушка в красной рубашке и синих шортах, водила ладошкой по голубым цветочкам, смотрела на Сашку и улыбалась.

Сашка не удивился бы, если глаза девушки тоже бы оказались голубыми, под стать цветам и небу. Но они были… рыжевато-серыми, неопределенного «болотного» цвета. Такого же, как и ее волосы, распущенные по плечам. Разумеется, волосы можно сделать любыми, было бы желание и фантазия, но Сашка почему-то знал точно, что у этой девушки все могло быть только настоящим.

Короче говоря, он влюбился. С первого взгляда. Что, надо сказать, случилось с ним впервые.

– Привет! – сверкнула улыбкой девушка, и спейс-разведчик перестал быть таковым. Он тут же забыл, где он, зачем, как и почему. Только успел удивиться, что стоит, словно клоун, в скафандре; быстро сорвал шлем и ответил:

– П-привет!..

Вообще-то он никогда раньше не заикался. Поэтому очень смутился. Да еще и девушка засмеялась, запрокинула голову и рассыпала по василькам волосы. Сашка снова крякнул, смутился еще больше, разозлился на себя и наконец-то сумел сказать почти нормально:

– А-а… Кто вы?

Девушка перестала смеяться, хотя улыбка осталась с ней. Тряхнула болотной гривой, сказала, почти шепнула:

– Мы такие же, как вы… Мы вас искали.

Сашка поморщился:

– Да нет!.. Вот вы… ты кто? Как тебя зовут?

Девушка вновь рассмеялась. Сашкино сердце вздрогнуло. Болотноглазая фея, словно почувствовав это, оборвала смех и ответила вопросом на вопрос:

– А как бы ты хотел называть меня?

«Моя любимая!» – едва не выкрикнул Сашка, но спохватился и ответил просто:

– Любовь! Ну, то есть, Люба…

– Хорошо, – тряхнула болотной гривой девушка. – Значит, я Люба. А ты?

– С-саша, – вновь запнулся спейс-разведчик, мысленно чертыхнулся и, проклиная себя, выплюнул: – Александр Зверев. – Потом все же добавил: – Можно просто Саша.

– Ага, – подмигнула Люба. – Так и запишем!

«Ой! – все же проснулся в Сашке спейс-разведчик. – А я-то это пишу?!» Он заглянул в шлем. Индикатор записи с нагрудной камеры мигал зеленым. Когда он успел включить камеру, Сашка не помнил. Видимо, сработали рефлексы.

Сашка поднял голову. Люба по-прежнему улыбалась. Но, словно услышав что-то, доступное только ей, спрятала улыбку и быстро сказала, показав на шлем:

– Надень! Срочно. Две минуты до конца связи!.. Очередной сеанс через восемь часов.

– До какой связи? – опешил Сашка.

– Надень! – почти крикнула девушка и сдвинула брови. Сашка пожал плечами, но послушался.

Люба поднялась и оказалась невысокой, почти на голову ниже Сашки. Он протянул к ней руки, сделал шаг и… ошалело заморгал. Перед ним была песчаная желто-серая равнина, усеянная булыжниками; вдали, у горизонта, чернели горы. Над головой мерцало тусклыми звездочками темно-серое небо, с которого ярким бельмом пялилось местное светило.

– Люба… – прошептал Сашка и заморгал, поскольку глаза почему-то стали плохо видеть. Спейс-разведчик протянул к ним руку, но вспомнил, что он снова в шлеме.

«Ёшкин кот! – вспомнил Сашка любимое ругательство прадеда. – Да я никак реву! И чего это было-то?..»

* * * * *

Вернувшись на корабль, Сашка первым делом включил запись. Люба была на месте. Васильки тоже.

– Ну, ладно, хоть с ума не сошел! – нервно хохотнул спейс-разведчик и все же добавил: – Вроде бы.

Затем он просмотрел данные анализатора и третий раз за день крякнул. Похоже, кряканье становилось новой Сашкиной привычкой. На сей раз «кряк» имел довольный оттенок. Теперь анализатор выдавал то, что надо. Признаков жизни нет, кислорода в атмосфере ноль и хрен десятых, ну и так далее, в том же духе.

– Ага, – сказал Сашка и посмотрел на часы. До обещанного Любой нового «сеанса связи» оставалось почти семь часов. Их спейс-разведчик решил провести с максимальной пользой и лег спать.

Заснуть сразу не удалось. Перед глазами стояла, а точнее, сидела в васильках, Люба. Болотного цвета волосы и глаза. Щекочущий шепот. «Мы такие же, как вы…»

– Кто же ты такая? – шепнул в ответ Сашка уже в полусне.

* * * * *

Теперь за бортом шумел лес. Люба сидела на поваленной березе. Легкий походный красно-синий комбинезон, рыжевато-серая грива забрана сзади в пучок.

Сашка тоже был без скафандра. Он присел рядом с Любой. Не очень близко, но рукой при желание дотянуться смог бы.

– Привет! – как и в первый раз сказала девушка.

– Здравствуй, – улыбнулся Сашка. Ему было удивительно хорошо просто смотреть на нее.

Люба широко и открыто улыбалась в ответ.

– Расскажи мне о себе, – попросила она.

– Зачем? – продолжая улыбаться, спросил Сашка.

– Ты мне нравишься.

Сашка чуть было не крякнул, но сумел удержаться. Сердце бухало часто и гулко. Теперь захотелось по-щенячьи заскулить. «Прям зверинец какой-то внутри», – мелькнула мысль, а вслух неожиданно для себя спейс-разведчик выдохнул:

– Ты мне тоже, – и протянул к девушке руку, сам не зная, зачем. Коснуться руки, пушистых волос…

Люба вздрогнула.

– Не надо, Саша!

Он не стал спрашивать почему. Просто понял вдруг, что и правда не надо.

Но разговор потек дальше непринужденно, словно и не было этой неловкой заминки.

Говорили обо всем и словно бы ни о чем. Больше – о какой-то ничего не значащей ерунде. О деле – о Земле и родном Любином мире – пока только вскользь, словно это было не главным. А для Сашки это и впрямь не было главным. Самым важным в его жизни стала сама Люба.

Сколько они говорили – полчаса, час, целую вечность, – Сашка не заметил. Только Люба, как и в прошлый раз, убрала с лица улыбку и сухо сказала:

– Тебе пора уходить. Следующий сеанс через восемь часов.

* * * * *

В третий раз они сидели на теплой гальке и слушали ленивый прибой. Море было того же насыщенно-синего цвета, что и Любин купальник. Волосы девушка спрятала под красной косынкой.

Сашка уже знал, что любит эту… инопланетянку. Он был просто уверен, что не сможет без нее жить! Так хотелось ему сейчас прижать ее к себе, зарыться лицом в ее пушистые волосы, вдохнуть их запах!.. Но… это невозможно было сделать сейчас. Какой бы ни казалась Люба живой, родной и близкой, ее не существовало здесь, сейчас, на этой планете.

И Сашка задал вопрос, который давно был готов слететь с языка:

– А мне можно… прилететь к вам?

– Конечно, – улыбнулась Люба. – Мы для того и затеяли все это.

– Я не совсем то хотел спросить, – Сашка провел рукой по гальке, выбрал плоский кругляш и зашвырнул в море. – Смогу я увидеть там… тебя?

Девушка нахмурилась. Сашка подумал, что она скажет сейчас о конце сеанса. Но Люба сказала другое:

– Саша!.. Ты должен это знать…

– Я ничего не хочу знать! – вскочил Сашка. – Не надо, не говори ничего!

– Но, пойми…

– Это ты пойми!.. – Сашкин голос дрожал, спейс-разведчику было одновременно и стыдно, и абсолютно на все наплевать. – Мне без разницы… Мне все без разницы!.. Как ты ко мне относишься, есть ли у тебя кто-то… Я ведь все прекрасно понимаю! Но я ведь ничего и не прошу… Мне бы только коснуться тебя, вдохнуть запах твоих волос!..

– Тебе пора уходить, – как всегда сухо при этой фразе, сказала Люба. – Следующий сеанс через восемь часов.

* * * * *

Как примерный исполнитель, спейс-разведчик Зверев записывал и отправлял на Землю все. Он понимал, что Контакт с иным разумом не тот случай, чтобы превращать его в приватный любовный роман. И, раз уж так получилось, коль «накрыло» его столь нежданно-негаданно, то это его личные проблемы. Он приготовился выслушать от коллег-товарищей массу «поздравлений» и прочих «веселых» подколок. Но ему было все равно. Лишь бы увидеть Любу! Увидеть наяву. Но она… Она его видеть не хочет. Это ясно. От этого сводит скулы, в груди становится холодно и пусто.

«Ну почему, почему так? – метались колючие мысли. – Почему любовь – это так прекрасно, но и так больно?! Почему нельзя иначе? Кому от этого стало бы хуже?..»

Ответов на эти вопросы не было. Зато пришел ответ на Сашкин доклад с Земли. Спейс-разведчику Звереву приказывали возвращаться. На Любу (так Сашка назвал по праву первооткрывателя планету) уже отправились специалисты по Контакту.

* * * * *

Этот сеанс был для него последним. Сашка сознательно называл его «последним», а не «крайним», как принято было среди космолетчиков. Потому что, как ни крути, как ни обманывай себя, а последний – он и есть последний.

Под стать настроению шел дождь. Унылый, нудный, беспросветный.

Люба стояла под большим красным зонтом в ярко-синем плаще.

– Я улетаю, – сказал Сашка вместо приветствия.

– Я знаю, – кивнула Люба. В этот раз она не улыбнулась, как обычно.

Сашка молчал. Девушка тоже молчала. Так они стояли долго, и Сашка подумал, что даже молчать вместе с Любой – это тоже счастье. Словно им было, о чем помолчать.

Первой заговорила девушка:

– Саша, ты спрашивал…

– Не надо, не говори ничего, – дернулся Сашка.

– Нет! Ты не понял, – Люба отвела в сторону зонт, и капли дождя перламутровым жемчугом засверкали в болотной пушистости волос. – Я хочу сказать… Прилетай, Сашка, обязательно прилетай! Я буду тебя ждать.

* * * * *

Специалисты по Контакту работали на планете Люба уже неделю. Еще по прибытии сюда они знали, что «САШ» Александра Зверева не вышел из надпространства, развеявшись млечным путем субатомных частиц между Землей и Любой.

Но Контакт состоялся. Долгожданный, волнующий, очень важный и для землян, и для любарян. Называть так жителей далекой планеты, которая имела совсем иное название, было,

конечно, неверно, но кто-то назвал их так первым – и слово прижилось. Да и какая разница, как называть? К тому же, именно на Любе спейс-разведчик Зверев впервые увидел виртуальную любарянку.

– И все-таки, почему она сказала ему это? – в который раз спросил, вполне риторически, Сэмюел Тэн, лингвист группы Контакта. Но ему все же ответили. Командир группы, Игорь Ляхов, пожал плечами и выдавил:

– Ну и хорошо, что сказала.

– Да чего ж хорошего? – удивился Тэн. – И дело даже не в том, хорошо это или плохо. Просто этого не должно, не могло быть в принципе! Ведь и сами любаряне ничего понять не могут… Лопочут что-то про сбой программы, совсем как наши кибспецы, хотя их программы сбоить в принципе не могут!

– «В принципе», «в принципе»!.. – буркнул Ляхов. – Что ты заладил про какие-то принципы… Главное, что все было правильным.

– Да каким же правильным?.. – совсем растерялся лингвист. – Программа любарян была создана, чтобы давать лишь достоверные знания!

– А для Сашки нужно было это знание?! – вскипел командир, что случалось с ним крайне редко.

– Достоверные знания нужны всем… – пролепетал ничего не понимающий Тэн.

– А ты любил когда-нибудь, Сэм? – спросил Ляхов и, не дождавшись ответа, сказал: – Люба… то есть программа эта, сбойнула она там или… сама вдруг полюбить сумела… Только она, когда не стала давать Звереву этих твоих достоверных знаний, подарила ему взамен надежду. Знаешь, что это такое, Сэм? Ни хрена ты не знаешь!.. Это значит, что Сашка ушел счастливым.

Ради любви

Елена умела летать. Но не так, как птица, ведь у нее не было крыльев. Впрочем, когда она летала, у нее не было и самого тела. Ничто материальное не смогло бы подняться в такие выси, умчаться в такие дали, ведь Елена путешествовала к звездам! Как это у нее получалось, она не знала. Когда возникало желание стать легче мысли, умчаться навстречу звездному свету, оно неумолимо росло, и будто взрывалось, высвобождая Елену из оков телесной оболочки.

Такое случалось нечасто и по накалу эмоций и чувств напоминало оргазм, только было еще сильней. Ее окружало чудо, материальное воплощение наивысшего восторга, и она отдавалась ему целиком – беззаветно и жадно.

Елена перелетала от звезды к звезде, любовалась туманностями и галактиками, посещала планеты, многие из которых так сильно отличались от Земли, что разуму не с чем было их сравнивать.

Единственное, чего ей не хватало здесь – это общения. Хотелось поделиться увиденным, распахнуть душу, полную впечатлений и чувств, получив взамен чужие эмоции и мысли. Но звезды молчали, хоть и оставались при том желанными и прекрасными.

Как бы ей ни хотелось этого, Елена не могла остаться наедине со Вселенной навсегда, потому что даже в нематериальном виде для ее существования требовалась энергия, которая неудержимо таяла при полете от звезды к звезде. Поэтому, когда таяли силы, ее влекло к оставленному на Земле телу, словно пушинку ветром. Порой возвращение проходило столь быстро, что Елена не успевала разглядеть ничего, помимо круговерти звездных росчерков, сливающихся в сплошные яркие полосы. А через миг-другой она, уже в привычном теле, поднимала голову и, недоуменно оглядываясь, не сразу могла понять, что за бесцветный и тесный мир окружает ее.

Но однажды, забравшись так далеко в глубины Вселенной, что даже родная Галактика казалась оттуда едва различимым пятнышком, Елена почувствовала, что рядом кто-то есть… Космическая перспектива искажала расстояния, поэтому некоторые звезды, от которых даже свет шел миллионы лет, казались нереально близкими, а настоящие пылинки, до которых можно было вполне дотянуться, казались порой недосягаемыми звездами. Вот и *его* Елена приняла сперва за далекую туманность. И только неестественная подвижность странного пятнышка заставила приглядеться к нему получше.

Сгусток туманного, расплывчатого света приближался. Теперь было видно, что формой он напоминает человека. «Неужели я не одна такая?» – вспыхнула в сознании Елены радостная мысль.

Космический странник подплыл к ней и замер. Похоже было, что и он ее внимательно разглядывает.

«А что же дальше? – подумала Елена. – Как мы будем разговаривать? Может, попробовать мысленно?..»

И она попробовала. Сосредоточилась и отчетливо произнесла-подумала:

– Эй, вы кто?

Светлое облачко колыхнулось.

– Ох, – «прозвучало» в сознании Елены, – так вы тоже человек?!

Казалось, она и впрямь услышала голос. Живой, с интонациями и эмоциями, человеческий голос! Между прочим, мужской.

– Да, – ответила Елена. – Как приятно в такой дали встретить земляка. – И поспешила представиться: – Меня зовут Елена.

– Евгений Головин, – последовало в ответ. Туманный силуэт сделал движение, которое можно было принять за поклон.

– Значит, вы тоже умеете… это? – спросила Елена и рассердилась на себя: спрашивать о том, что вполне очевидно – не верх ли это глупости!

Но Евгений ответил:

– Как видите, да. Впрочем, не могу причислить это умение к моим личным заслугам. Скажем так: мне помогли.

Елена хотела спросить, кто, но на сей раз сдержалась. Лезть не в свое дело, решила она, еще хуже, чем задавать глупые вопросы. Поэтому она спросила первое, что пришло на ум:

– Куда же вы направляетесь?

– У меня нет определенной цели. Да и разве можно выбрать что-то одно из бесконечного числа вариантов? Я путешествую наугад. Признаться, такой выбор мне даже нравится. Чем-то напоминает русскую рулетку. Только гораздо безопаснее. – В голосе Евгения послышалась улыбка. А потом он словно запнулся и продолжил неуверенно и робко: – А вы… Если вы, конечно, не имеете конкретных планов… не соизволите ли составить мне компанию?

– С удовольствием! – ответила Елена. Ей и впрямь безумно вдруг захотелось путешествовать вместе с Евгением. Причем – именно с ним, чему сама она безмерно удивилась: ведь они успели переброситься лишь несколькими фразами и, по сути, ни разу не видели друг друга. Может быть, подумала она, сейчас, когда души буквально обнажены, их родство для подсознания попросту очевидно?..

Но развить эту мысль Елена не успела. Он почувствовала, что близится возвращение, которому она была не в силах противиться. Елена испугалась. Вероятность встретиться с Евгением еще раз в бескрайнем звездном пространстве равнялась нулю! А это значит… Нет-нет-нет!..

– Где вы живете?! – выкрикнула она. И, перед тем как в бешеном калейдоскопе звездных росчерков помчаться к Земле, успела услышать: «Головино».

На сей раз Елена быстро пришла в себя. Открыла глаза, повернула голову. Мужа рядом не было. Это принесло облегчение. Елена давно перестала делать трагедию из их «несложившихся отношений». Так она деликатно называла постоянные измены и пьянство супруга.

Она затруднилась бы сейчас ответить, сколько раз за этот месяц видела его дома, настолько ей это стало безразлично. А поначалу!.. Нет, она не устраивала скандалов, носила обиду и горе в себе, выплескивая их громкими рыданиями лишь когда оставалась одна.

Впрочем, однажды она все-таки не сдержалась и попыталась поговорить с мужем. Но то, что услышала в ответ!.. И то, что он сделал потом!.. О, это Елена не могла вспоминать. Но и забыть она этого тоже никак не могла.

Именно тогда она и улетела в первый раз. Так было ей страшно, больно и горько. Настолько она не хотела быть с тем, кого считала когда-то самым родным и близким, и кто предал ее, растоптал чувства, растерзал душу!.. Он ведь даже не заметил тогда, что ее нет рядом, продолжая избивать и насиловать живую куклу, пустую оболочку плоти.

С тех пор он перестал существовать для нее. Смешно, но она даже была ему чуточку благодарна – ведь если б не он, она бы не научилась летать!..

Елена вскочила с постели и промчалась к компьютеру. Ринулась в Интернет, загрузила интерактивную карту… И лишь тогда спохватилась. Головино! Где его искать? Сколько вообще могло оказаться деревень и поселков с таким названием? Десятки, сотни, тысячи?!..

Елена почувствовала нарастающую панику, но быстро взяла себя в руки. Какой бы сложной ни казалась стоящая перед ней задача, она все равно была выполнимой! Нужно только начать. Перебрать село за селом, деревню за деревней. Пусть их будет на самом деле тысяча, пусть у нее уйдет на поиски несколько лет… Но ведь Земля такая маленькая по сравнению с бескрайним космосом!

Елена выбрала карту Московской области. Начинать было логичней с ближних мест, постепенно расширяя круг поисков.

Головино нашлось быстро. Не очень близко от Москвы, но такие расстояния по сравнению с космическими казались Елене просто смешными. Она быстро оделась, подхватила сумочку с документами, ключи от машины, и уже через полчаса выруливала на нужное ей шоссе.

Головино и впрямь оказалось деревней. Точнее, дачным поселком. Это не понравилось Елене. На дачах не живут постоянно. Впрочем, проехав по единственной улице дальше, она увидела в самом ее конце несколько потемневших от времени бревенчатых домов, которые могли оказаться чьим-то постоянным жильем.

Елена вышла из машины и направилась к ближайшей избушке, возле которой ходил, склонившись к чахлым грядкам, мужчина в белой рубахе. Подойдя ближе, она увидела, что тот очень стар.

– Здравствуйте, дедушка, – окликнула старика Елена. Он стал медленно разгибаться, но полностью так и не смог этого сделать. Столь же медленно повернулся к Елене, поднял на нее выцветшие глаза.

– Добрый день. Ты, небось, за молоком? Так это к соседям, я корову не держу.

– Нет-нет, – замотала головой Елена. – Я хотела узнать, не живет ли в вашей деревне Евгений Головин?

Старик думал недолго.

– Не живет. Нету такого.

Сердце Елены ухнуло вниз.

– Точно? – спросила она одеревеневшими губами.

– Точнее некуда. Нас тут и осталось-то – два старика да три старухи. Или тебе кто из дачников нужен? Так этих я по фамилиям не знаю. Да и по имени не каждого.

– Нет, мне дачники не нужны… – Елена шагнула от изгороди, но, спохватившись, обернулась. – Спасибо вам!

– Да чего там, – махнул старик. – Не за что, не помог ведь.

Елена неопределенно кивнула и зашагала к автомобилю.

– Постой-ка! – окликнул ее старик. – А про Головина-то я знаю. Он и Евгений как раз.

Елена повернулась столь резко, что чуть не упала.

– Что? Кто? Где?!.. – зачастила она, подбежав к изгороди. – Где он живет?!

– Да он не живет уже, – смутился старик. – Помер давно. Так здешнего барина звали. Потому и деревня Головино. Мне дед про него рассказывал. Во-о-он там его усадьба стояла, – мотнул он щетинистым подбородком в сторону леса. – Мы в ней до войны мальчишками играли. А в войну в нее бомба попала, камни и те уже заросли.

– Но как же?.. – чуть не плача, проговорила Елена. – Как же так? Почему помер? Какая бомба?.. Это не тот, наверное, Головин!..

– Знамо дело, не тот, – помотал головой старик. – Ты уж прости, что расстроил. Но ты спросила, а я вспомнил вот.

– Ничего… Спасибо. Простите… – пролепетала Елена и, не удержав-таки слез, быстро развернулась и побежала к машине.

Шансов встретить Евгения в звездном мире не было. Елена знала это, но все равно полетела искать его к звездам. Она решила вернуться туда, где случай – или судьба? – свел их впервые. Елене оставалось надеяться, что и Евгений поступит так же. Если конечно… если ему это *надо*.

Найти конкретную точку в бесконечности Вселенной было тоже почти невозможно. Почти – потому что искала Елена не разумом, а всей обнаженной душой, открытые эмоции и чувства которой служили ей лучше самых совершенных радаров.

И случилось невероятное – они встретились! Может быть, это произошло еще и потому, что Евгений также мечтал о встрече, хотел ее и желал. И, возможно, души их нашли друг друга по этому взаимному, не знающему барьеров и расстояний притяжению.

– Ты… пришла!.. – воскликнул Евгений. – Я так ждал тебя там, дома!..

– Я искала тебя, – засмеялась от счастья Елена, не заметив, что они перешли на «ты». – Но мне сказали, что ты умер! Как тебе это? – Она засмеялась сильней, и светлое облачко ее души заиграло радужными переливами.

– Умер? – засмеялся в ответ Евгений. – Пренеприятнейшее известие! Постой… А где ты искала меня?

Елена, продолжая смеяться, рассказала, как ездила в подмосковную деревеньку, что ей поведал старик…

– Представляешь, там в позапрошлом веке жил помещик – твой однофамилец и тезка!

Искрясь и переливаясь счастьем, Елена не сразу заметила, как потускнело облачко Евгения.

– В позапрошлом?.. Значит, ты живешь… в двадцать первом?.. Но это невероятно!

– А ты разве не… – начала Елена и замолчала. Она все поняла. Евгений и был тем самым барином, о котором ей рассказал старик! Пространство и Время, неразрывно связанные неведомыми человечеству законами, сыграли с ними злую шутку. – Что же делать? Ведь я… я не могу без тебя!

Признание вырвалось неожиданно, но Елена не жалела об этом. Да и какой теперь имело смысл о чем-то жалеть, если встретиться на Земле им было не суждено. Никогда! Разве что здесь, в безвоздушном пространстве космоса, общаться беззвучно и бестелесно… Но это же… это… Нет! Это невыносимо, несправедливо, невозможно! Если бы Елена была сейчас в настоящем теле, она бы зарыдала в голос.

– Ты сказала правду? – Голос Евгения «прозвучал» столь незнакомо и глухо, что Елена вмиг забыла про начинавшуюся истерику.

– Конечно, правду! Зачем мне тебе врать? Я ничем не могу это доказать, но я на самом деле живу в двадцать первом веке.

– Я не об этом, – прервал ее Евгений. – О том, что ты… без меня…

– Да, я сказала правду, – не дала договорить ему Елена. – Но разве это имеет теперь какой-нибудь смысл?

– Это всегда имеет смысл. Дело в том, что я тоже…

И тут Елену потащило назад, на Землю. Ей стало очень обидно, ведь она не успела услышать, что хотел ей сказать Евгений. Впрочем, она догадывалась, что именно. В другое время она бы ошалела от счастья, а теперь… Да-да, вот именно – «в другое время». Какой точный и горький получился каламбур!

И все-таки следующей ночью она вновь полетела туда, где мог ее ждать Евгений. Он и ждал. И начал сразу, не поздоровавшись, не дав Елене опомниться.

– Ты бы хотела быть со мной там, на Земле?

– Зачем ты так? Ты же знаешь, что это не…

– Хотела бы или нет? – жестко оборвал Евгений.

– Да-а!!! – «закричала» Елена, чувствуя, как душа ее превращается в один сплошной комок боли. – Зачем ты так?! Зачем?..

– Потому что… это возможно.

– Что?.. – Елене показалось, что звезды тронулись с мест и закружились в хороводе. – Что ты сейчас сказал?..

– Это возможно. Помнишь, я говорил тебе, что путешествую к звездам не сам по себе? Так вот, мне помогает женщина. Анна. Моя… крепостная. Она – уникум. Все называют ее колдуньей, но я считаю, что это не колдовство, а что-то иное, не доступное пока нашему разуму. Впрочем, даже если и колдовство? Мне нравится то, что она делает.

– Ты любишь ее?

– Что? Кого?.. – растерялся Евгений и внезапно рассмеялся: – Что ты! Конечно же нет! Впрочем, она очень красивая, но… Но ты сбила меня!.. Я собирался перейти к главному. Вчера я рассказал о тебе Анне. О том, откуда ты. И спросил, могла бы она сделать так, чтобы… мы смогли быть вместе. Анна ответила, что может сделать это. Только… Только вам с ней придется поменяться телами.

– То есть, я окажусь в теле Анны там, в девятнадцатом веке, а она в моем – в двадцать первом?..

– Именно так. Причем обратного пути не будет.

– А разве сама она согласна на такое?

– Она задрожала от радости! Увидеть будущее, жить в нем свободной! – Тут Евгений осекся. – Ведь ты же… свободная?

– Разумеется, да. То есть… не совсем. Видишь ли, я замужем.

Облачко, бывшее сейчас Евгением, дрогнуло и потемнело.

– Ты его любишь?

– Я его… – Она хотела сказать «ненавижу», но поняла, что это неправда – у нее не осталось к мужу никаких чувств, даже ненависти. А потому сказала: – Он мне никто. Но он плохой человек. Я не хочу, чтобы страдала Анна.

Евгений неожиданно рассмеялся.

– Не забывай, что Анна колдунья! Еще неизвестно, кому придется страдать. Лучше ответь: ты согласна?.. Хотя нет. Не отвечай. Подумай. Взвесь все. И если решишься… Анна сказала, что это нужно делать в полнолуние. Приезжай в Головино и отправляйся в усадьбу… то есть, к тому месту, где она была. И жди.

– А ты? Ты сам-то этого хочешь? – заторопилась Елена, чувствуя, как неведомая сила вновь потащила ее к Земле. И перед тем как сорваться в головокружительный вихрь полета, все-таки успела услышать: «Да».

Елена сидела на смятой постели, сжав ладонями щеки. Бешено колотилось сердце, лихорадочно метались мысли. Нет, она не сомневалась в том, какой сделает выбор. Конечно, предстояло поменять так много: привычное тело на чужое, удобства современного быта на патриархальный уклад старины!.. Но ведь все это… ради любви! Ради любви! Разве предстоящий обмен такая уж большая цена за это?

Огорчало Елену только одно – ей вновь, как и прежде, суждено путешествовать к звездам одной…

На хрена козе баян?

– А на хрена козе баян? – спросила Юлька.

Это у нас игра такая. Возникает она совершенно спонтанно. Я или жена ляпнем что-нибудь вот эдакое – и понеслось!.. Можно как угодно изгаляться, фантазировать напропалую, главное – не засмеяться и не думать над ответом больше пяти секунд. Иначе – проиграл, и тогда… Тогда обязан выполнить любое желание победителя.

Ну, я иногда Юльке чуток подыгрываю и жду дольше. Во-первых, я все-таки мужчина, неловко по отношению к женщине быть мелочным, а во-вторых, Юлькины желания мне очень порой нравятся. Так что ее выигрыш мне даже в общем-то выгодней.

Тем более, мне в кайф, когда жена радуется. Прыгает, в ладоши хлопает, как девчонка. На шею мне вешается. А потом чаще всего так получается, что и желание уже загадывать не нужно – оно как-то само собой исполняется. Причем, обоюдное. Так что выигрыш или проигрыш в нашей игре – понятие очень условное. Для меня, во всяком случае. Ну, а Юлька, как я уже говорил, выигрывать любит.

Вот и сейчас подпрыгнула, затрясла рукой, выгнув в мою сторону запястье с часами:

– Пять секунд прошли, ты проиграл, проиграл!

Я покорно сложил на груди руки и склонил голову, ожидая от победителя награды в виде желания. Однако на сей раз оно оказалось необычным.

– Я хочу, – торжественно провозгласила Юлька, – чтобы ты ответил на этот вопрос.

– На какой? – поднял я голову.

– На хрена козе баян, на какой же еще?

– А… зачем тебе?

– Я так хочу! – топнула ногой жена и тряхнула каштановой гривой. – По-моему, желания победителя обсуждать не принято.

Я посмотрел в сверкающие Юлькины глаза и почувствовал, как сладкий ком подкатился к горлу. Юлька моя, Юльчонок, Юлёныш, как же я тебя люблю! Такую вот непосредственную, настоящую, живую… Такую милую и славную, нежную и чувственную, взбалмошную и сумасшедшую.

У меня запершило в горле, голос неожиданно сел. Фантазировать мне совершенно не хотелось. Точнее, даже очень хотелось, но немножко на иную тему. Не про козу. Поэтому я и ляпнул первое пришедшее в голову:

– Баян козе затем же, зачем и рыбе зонтик.

Я надеялся, что удачно выкрутился и протянул уже к Юльке руки для осуществления более заветных фантазий, но тут же по этим рукам и получил.

– Думаешь, ты такой умный, да? – фыркнула Юлька. – Думаешь так легко от меня отделался? Вот уж нет уж! Выполняй желание честно. А в наказание ответь и про рыбу.

– Про какую рыбу? – жалобно заморгал я. – Юлёныш, ну ты чего? Зачем тебе это? Давай лучше я твое настоящее желание выполню. Любое! – Я сладострастно облизнулся и подмигнул жене.

Но Юльке, что называется, шлея попала под хвост. Такое с ней частенько случается, за что я, впрочем, ее тоже люблю.

– Нет! – снова притопнула Юлька. – Это и есть мое настоящее желание. Быстро отвечай: на хрена козе баян и на фига рыбе зонтик?

– Ну ладно, – сдался я и опустился на диван. – Садись поближе.

– Только не лапать! – предупредила Юлька и села рядом. Не настолько близко, чтобы я забыл эти дурацкие вопросы, но достаточно, чтобы ощутить упругость ее теплого бедра и мысленно послать козу-баянистку вместе с шизанутым карасем туда, куда не прочь был бы отпра-

виться и сам. Я разозлился на себя за этот невольный каламбур, зверским усилием воли отогнал навязчивые желания и мысли, тяжело вздохнул и начал:

– Рыбе, как и любому здравомыслящему существу, зонтик нужен для защиты от дождя…

– И от снега! – подхватила Юлька, и карие глаза ее радостно засверкали. Она преобразилась мгновенно, превратившись из капризной женщины в восторженную девчонку. Как же я любил ее – такую… такую… Я снова ощутил ком в горле и быстро прокашлялся.

– Да, – продолжил я. – И от снега тоже. Вообще от любых осадков. Но вся беда заключалась в том, что рыба не любила носить зонт.

– Как это?.. – ахнула Юлька.

– А вот так. Не любила – и все тут. Он ей мешал. Занимал руки, в смысле – плавники, заслонял небо…

– Оно же все в тучах, когда дождь, – нахмурилась Юлька.

– Ну и что? – строго глянул я на жену. – Все равно ведь небо. Тем более, когда идет не дождь, а снег. Ты смотрела когда-нибудь в небо, когда идет снег?

– Конечно, смотрела, – подхватилась Юлька. – Так странно… Красиво так!.. Из ниоткуда, из серого-серого потухшего нечто появляются погасшие звездочки и падают, падают, падают…

– Звездочки? Мы говорили о снеге.

– А снежинки – они разве не звездочки? – захлопала ресницами жена. – Ты когда-нибудь разглядывал снежинки? Конечно же, это звездочки! Только потухшие, остывшие, заледенелые. Они думают, что никому больше не нужны и потому готовы растаять, лишь только коснутся тепла. Если бы они знали, как ошибаются! Ведь на свете нет ничего, что не было бы кому-нибудь нужно. Тем более, когда это звезды. Пусть даже потухшие.

– Рыбе они были точно не нужны, – вернулся я к нашим баранам. В смысле, к рыбам и козам. – Но и зонтик был ей помехой. Вот такая дилемма свалилась на бедное животное.

– На какое животное? – не сразу вернулась из звездного мира Юлька.

– На рыбу, конечно же.

– Она разве животное? – прыснула моя любимая.

– А ты в школе училась? – нахмурился я. – Есть такая наука – зоология. И в ней…

– Ой, только не надо, – поморщилась Юлька. – Скукотища! Пусть рыба будет животным. Пусть даже червяк будет животным.

– Что значит «пусть будет»? – повернулся я к жене. – Ты что, на самом деле не в курсе, что…

– Я сказала: хватит! – стукнула мне Юлька кулачком по колену. – Про рыбу давай. Как она вышла из положения?

– Легко, – плюнул я на образовательный процесс и вернулся к повествованию. – Она купила шляпу. С широкими полями.

– Оранжевую! – захлопала в ладоши Юлька.

– Ну разумеется. Не зеленую же!

– Конечно не зеленую. Ведь она сама была зеленой. И шляпа сливалась бы цветом с чешуей. Издалека другим рыбам казалось бы, что она вовсе без шляпы, и что это у ней голова такая несуразная. А кому понравится ходить с несуразной головой?

– Плавать, – поправил я.

– Нет, ходить, – мотнула головой жена, и каштановые волосы скользнули мне по шее, вызвав сладкую щекотку где-то глубоко внутри живота. – Потому что сапоги она тоже купила. И тоже оранжевые. Чтобы верх и низ смотрелись гармонично.

– Ну, тогда конечно, – закивал я. – Если сапоги оранжевые, то рыба просто обязана ходить. – Я не удержался и хихикнул: – Налево.

– Почему налево? – удивилась Юлька. – Ей что, досталась пара из одних правых сапог?

– С сапогами у нее все было в порядке, – успокоил я жену. – Точнее, у него. Это был самец. Во всех смыслах. Потому он и ходил налево. Причем, постоянно. Зря он, что ли, такие смачные сапоги прикупил?

– А к кому он ходил? – заинтересовалась Юлька.

– Ты еще не догадалась? – деланно изумился я. – Разумеется, к козе!

– Ах, вот как? – фыркнула моя любимая, и глаза ее вспыхнули еще ярче. – К козе?

– Конечно, к козе. Не к козлу же!

– Кстати, о козле, – подняла Юлька пальчик. – А как он смотрел на это… безобразие?

– А вот тут мы как раз переходим к первому вопросу, – напустил я на себя притворной строгости.

– Про баян?

– Умница! – одарил я жену восторженным взглядом. – Именно про баян. Он и нужен-то был козе исключительно для того, чтобы отвлечь козла. Видишь ли, Юлёныш, козлы – они ведь те же глухари, только петь не умеют. Кроме «бе» и «ме» ничего у них не получается. Другое дело – играть. На баяне. Для этого голос не нужен.

– По-моему, для этого нужен слух, – прищурилась Юлька.

– Кто тебе это сказал? Сейчас ты еще выдумаешь, что для этого нужны пальцы.

– А разве…

– Нет, – опередил я вопрос жены. – Пальцы и слух нужны для *хорошей* игры на баяне. Для извлечения из него музыки. Козлу же на музыку… э-ээ… наплевать. Ему важны звуки. Любые. Лучше громкие. Ты не поверишь, но если дать козлу баян, он забудет про все на свете, извлекая эти самые звуки.

– А коза тем временем… – решила поторопить события Юлька.

– Коза тем временем… – Я тяжело вздохнул и трагическим тоном закончил: – Пала жертвой собственной хитрости.

– Это как? – Моя сладкая женушка разинула ротик, да так и забыла его закрыть.

– А так, что звуки баяна одинаково завораживающе действуют как на козлов, так и на коз. И как только козел начал играть на баяне, коза не смогла никуда пойти. Все слушала и слушала.

– А как же рыба?!

– А рыба, в смысле – рыб, ждал. Долго и терпеливо. Он стоял под фонарем, чтобы коза смогла его сразу заметить, держа в плавниках букет алых роз…

– …и снежинки, – подхватила Юлька, – медленно кружась, падали на поля его оранжевой шляпы, превращая их в кладбище потухших звезд.

– Потухшие звезды – не самое страшное, – посмотрел я в глаза жены. – Погасшая надежда – вот это действительно страшно.

– Какая она все-таки… свинья – эта коза! – Голос моей любимой дрогнул, а глаза подозрительно заблестели. – Рыб ведь, наверное, любил ее, а она…

– Я тоже тебя любил, – прошептал я. – И продолжаю любить. Все звезды для меня давно потухли, только вот надежда никак не может погаснуть до конца.

Юлька ничего не ответила. Да и как она могла ответить? Ведь ее не было – моей любимой жены. Моей Юльки. Моего Юльчонка, Юлёныша… Я сейчас просто играл.

То есть, она, конечно, где-то была – иначе, как бы я мог ее любить? Только она была не со мной. Она была женой… Только уже не моей.

Она любила со мной играть. Но не любила любить. А я не люблю, когда со мной – или мной? – только играют.

Теперь я играю один. У меня это неплохо получается. Я – зеленая рыба в оранжевой шляпе. С неба падают и падают потухшие звезды. А я все жду и жду свою козу. Хотя и сам уже не знаю зачем. Может быть, для того, чтобы окончательно выяснить: а на хрена же ей баян?..

Полюбить мечту

Он проснулся резко, словно от толчка. Хотя никакого толчка не было. Потому что… не было вообще ничего. Ни света, ни звуков, ни верха, ни низа – ни-че-го! Он не чувствовал своего тела, не понимал, дышит ли он, бьется ли его сердце. И должно ли оно у него биться, ведь кто он такой – он тоже не знал. Или не помнил…

Он ничего не помнил! Впрочем, нет. Он помнил сон. Тот самый, который видел только что.

…Ему снилось море. Или океан. Медленные, ленивые, неправдоподобно бирюзовые волны облизывали желтый-прежелтый песок. А с синего-синего неба софитом вселенского счастья пылало солнце. Все вокруг было именно таким – преувеличенно цветным, чувственным, неправдоподобно ярким. Впрочем, ему не с чем было сравнивать, ведь он не знал, как должно это выглядеть на самом деле. И он не знал, что это сон. Потому что увиденное было единственным, что он вообще когда-либо видел. Тем не менее, ему казалось, что так и должно быть. Что так было и будет всегда. Поэтому он просто радовался и любовался на сказку, принимая ее за быль.

А потом он увидел девушку. Она стояла лицом к океану и слушала шершавый шепот гладившей песок воды. Он не видел ее лица, но непостижимым образом был уже очарован его красотой. Он еще не касался ее кожи, но уже был влюблен в ее чистоту и нежность. Да что там! Он любил уже эту девушку. Всю – от зарывшихся в бархатистый песок ступней до кончиков золотистых волос, невесомыми волнами растекающихся по загорелым плечам и спине.

Боясь спугнуть волшебное видение, он, почти не дыша, подошел ближе. Но, оказавшись с ней рядом, задохнулся от нахлынувших чувств:

– О, как же красиво!.. – И тут же зажал рот ладонями, ожидая с тревогой реакции незнакомки.

Но девушка не испугалась. Она даже не стала оборачиваться, словно и так знала, кто стоит сзади.

– Не то слово, просто сказочно! – сказала она так легко и спокойно, словно разговаривать, стоя спиной к собеседнику, было вполне обычным делом.

Впрочем, ему все сейчас казалось обычным, единственно возможным, каким и должно быть всегда. Даже то, что и сам он, и девушка были полностью обнаженными, ничуть не смущало его.

– Вообще-то я о тебе, – пояснил он, выровняв наконец-то дыхание. – Твои волосы… Они похожи на солнечные лучи. Можно я буду называть тебя Солнышко?

– Пожалуйста, – засмеялась девушка, по-прежнему не оборачиваясь. – Только я вовсе не красивая. Когда ты увидишь меня…

– Я и так тебя вижу.

– Когда ты увидишь мое лицо…

– Я знаю твое лицо.

– И как оно тебе?

– У тебя удивительные глаза! Они – как этот океан, только еще бездонней. А от твоих веснушек пахнет радостью и улыбкой.

– Неужели радость имеет запах? А улыбка?

– Все имеет запах. – Он понял это только что, но не стал удивляться. – Ты, например, пахнешь свежим хлебом… – На сей раз он все-таки удивился, поскольку был уверен, что никогда не пробовал и даже не видел хлеба.

– Тогда зови меня не Солнышком, а Булочкой! – не заметила его растерянности девушка. – Кстати, это будет вполне справедливо. – Она хлопнула себя ладошками по выпуклому животу.

Теперь засмеялся и он:

– Если я назову тебя Булочкой, мне захочется тебя съесть. А Солнышко съесть нельзя – им можно только любоваться и греться его теплом.

– Ты тоже будешь греться моим теплом? – спросила она так, что он сразу понял: она на самом деле хочет узнать это.

– Я уже делаю это, – ответил он и, шагнув к ней вплотную, почувствовал, как пахнущие солнцем волосы щекотнули его шею, как прохладная шелковистая кожа коснулась его груди, живота…

Впрочем, все это длилось одно-два мгновения. Через которые он и проснулся. И его ничто уже не касалось – ни горячее, ни холодное, ни грубое, ни шелковистое. Потому что ничего не было. Вообще ничего, как и его самого.

Он помнил лишь сон, откуда-то понимая, что это был именно сон, хотя и не зная уже, что же это такое. Но и это воспоминание быстро проходило, улетучивалось, словно великое ничто, которым он вновь становился, всасывало в себя все, имеющее хотя бы малейшее отношение к чему бы то ни было. Даже сон был для этой совершенной пустоты слишком вещественной, чересчур материальной субстанцией.

Он успел лишь беззвучно и безгубо шепнуть, не понимая уже смысла произносимого:

– Солнышко… – И опять превратился в ничто.

* * * * *

Женька лежала на влажной смятой простыне не в силах пошевелиться. Только легкая дрожь пробегала волнами по напряженному телу, заставляя пупырышками щетиниться кожу.

«Что же это? – снова и снова спрашивала она себя. – Что же это такое?!..»

Этот сон снился ей уже не первый раз. Не в точности этот же, но всегда в нем присутствовали солнце, море, песок, пальмы – то, о чем она так часто мечтала наяву, – а самое главное – в нем всегда присутствовал он… Высокий и русоволосый. Красивый до дрожи в коленях и… желанный до помутнения рассудка, до томной сладости – жарко, словно июльское солнце, пульсирующей в глубине.

«Солнышко…» – вспомнила Женька. Так во сне называл ее он. Ее мужчина. Ее… любимый.

Женька не верила в существование идеалов. Не верила до тех пор, пока ей не стал сниться он. Ее идеал. Совершенный. Единственно необходимый. Но абсолютно недостижимый!.. Потому что наяву идеалов не бывает. Просто он ей всего лишь приснился. Примечтался.

Женька не сразу поняла, что плачет. Она не привыкла плакать, с детства приучив себя к правилу, что слезами горю не поможешь и никаких проблем не решишь, что добиваться желаемого нужно не слезами, а делом. И у нее это неплохо получалось. Несмотря на обстоятельства, которые часто были против нее. Растя в неблагополучной, что называется, семье, Женька, тем не менее, с серебряной медалью закончила школу. Без взяток и блата поступила в университет. Пусть и не в самый престижный, зато на бюджет. И, самое главное, в другом городе – подальше от семейных разборок и пьяных склок. Не отвлекаясь на соблазны долгожданной свободы, дала себе зарок стать лучшей на курсе. И стала – закончила вуз с красным дипломом. Не сразу, но нашла престижную работу. Поставила новую цель – и опять стала лучшей, сделала карьеру. В хорошем смысле слова. Купила квартиру, хороший автомобиль. Всего

в двадцать шесть с небольшим она, как говорится, сделала себя. Сама. Порой стиснув зубы, но всегда с сухими глазами.

И вот теперь, из-за какого-то сна!.. Женька сердито смахнула со щек слезы и с решительным видом собралась вскочить с постели, но почему-то снова опустила голову на подушку.

Закрыла глаза, сделала несколько сильных, глубоких вдохов. С очередным выдохом, сквозь сжатые зубы, ее отпустило. Вместо опустошающей тоски и тошнотворной жалости к себе она почувствовала злость. К черту слезы и сопли! Она не привыкла проигрывать. Всегда ставила перед собой цель и получала желаемое. Ну и что с того, что сейчас ее мечта кажется несбыточной, попросту невозможной? Разве то, что она имеет сейчас, казалось ей большей реальностью всего лишь десять лет назад, в пропахшей дешевым куревом и водочным перегаром грязной двухкомнатной «хрущобе»?

Мечта не бывает несбыточной. Нужно просто уметь мечтать. Мечтать истово, целеустремленно. Но только о том, что тебе действительно нужно. Жизненно необходимо. Без чего – ну просто никак!.. Нужно… полюбить свою мечту. Сильно-сильно! По-настоящему. И тогда она обязательно сбудется. Ведь сбывалось же все до сих пор! А почему? Потому что она не опускала руки, не лила попусту слез. Она действовала. Вот и сейчас надо действовать, а не мочить подушку!

Женька вскочила, будто и впрямь собралась действовать. Но, постояв с полминуты, и осознав, что она сейчас «намедитировала», истерически расхохоталась. «Полюбить мечту»! Как же это здорово у нее получилось! Во всех, что называется, смыслах. Впрочем, подумала она, усилием воли оборвав истерику, это все-таки лучше, чем плакать.

* * * * *

Он стоял посреди песчаного пляжа, насыщенного цветом, как яичный желток. Девственно-чистый, не затоптанный тысячами ног, пляж был буквально, по-настоящему диким.

Впрочем, одна цепочка следов на песке все же имелась. Она тянулась от океана к полосе изумрудно-зеленой травы, которая простиралась до пальмовой рощи, такой же нарочито декоративной, как и все остальное вокруг.

Возле пальм стоял шалаш, крытый их листьями. Широкими и даже издалека казавшимися прохладными.

Он не видел, но точно знал, кто ждет его в шалаше. Но, как бы ему ни хотелось сейчас туда, он не стал торопиться. Ему захотелось понять, вспомнить, откуда он знает, кто оставил следы на песке. И, самое главное, надо было понять, кто же такой он сам. Почему-то без этого понимания ему казалось неправильным идти туда, к своему Солнышку.

Он медленно опустился на песок. Запустил в него ладонь, поднял руку и, раздвинув пальцы, стал наблюдать, как желтые, словно крупицы золота, песчинки текут ускоряющимися водопадиками вниз, торопясь смешаться с триллионами собратьев, чтобы перестать быть почти ничем, а стать внушающим уважение широким и длинным пляжем.

Как бы хотелось и ему перестать быть неведомой крупинкой, у которой даже нет имени, и войти, влиться в огромный мир себе подобных!

Впрочем, разве этого ему по-настоящему хочется? Ведь на самом-то деле ему нужна только она, Женя, его любимая. Но ему известно уже, – неважно как и откуда, – что его нежное Солнышко принадлежит иному миру, с которым ему никогда не слиться, не стать одной из составляющих этот мир песчинок.

Хорошо уже, что он стал кое-что помнить. Он по-прежнему вываливался каждый раз из солнечной сказки в бесцветное и безразмерное ничто, но уже не растворялся в нем полностью, не становился с ним единым целым. Что-то продолжало жить, теплиться, пульсировать, словно робкий лучик света в кромешной угрюмой тьме, согревая его надеждой. Он почти

ничего не мог там по-настоящему вспомнить, знал лишь, что надо ждать. Обязательно. Сколько угодно долго. Тем более, понятия «долго» там не было. Там обитала лишь вечность. А скорее всего, там вовсе не существовало времени, ведь он снова и снова оказывался здесь, на ярко-желтом пляже под ярко-синим небом, и рядом с ним всегда была она – его любимая. Он почти ничего не помнил из их прошлых встреч, кроме двух ярких цветов: синего – неба и моря, и желтого – песка и солнца. Зато он всегда помнил ее – свое золотоволосое Солнышко. Помнил вкус ее губ и запах волос, помнил тепло ее рук и прохладную шелковистость кожи. А еще он помнил…

От неожиданности он подскочил, осознав вдруг, что помнит их прошлую встречу! Пусть не всю, и очень сумбурно, на грани бреда, но все-таки это были не абстрактные пятна, а именно воспоминания. Напрасно он сравнивал сейчас себя с безымянной песчинкой! Ведь в прошлый раз Женя дала ему имя!..

* * * * *

Женька лежала на полу шалаша, устланном большими, гладкими и прохладными листьями, с нетерпением ожидая его. Ивана. Она сама назвала его так, и у него теперь было имя. Почему-то оно вызывало в ней ощущение силы, тепла, доброты. Возможно из-за сказок, в которых часто именно так звали героя – сильного, смелого, красивого и доброго, – такого же, как ее Иван.

Ждать пришлось на удивление долго, хотя Женька была уверена, что он где-то рядом. Наконец зашелестели, раздвигаясь, листья, в проем брызнуло солнце, и Женька невольно зажмурилась. А когда снова открыла глаза, Иван был уже рядом. Он опустился на колени и осторожно положил руки поверх ее ладоней, которыми она невольно прикрыла груди. Помедлив, Женька высвободила руки, и прохладные большие ладони Ивана легли прямо на нежные полушария, накрыв их почти целиком. Она шевельнулась, призывая любимого к более активным действиям. Он все понял правильно, склонил над Женькиным лицом голову и коснулся ее губ своими. Совсем чуть-чуть, не раскрывая их. Глубоко вдохнул и сказал хрипло:

– Ты пахнешь хлебом… и молоком… Свежим хлебом и парным молоком…

– Съешь меня поскорее, – так же хрипло ответила Женька, забросила руки на спину Ивана и потянула его на себя.

Он целовал ее так, словно умирал от жажды. От неразделенной жажды любви, от томительного душевного одиночества… Словно годы, века, целую вечность он ждал и искал ту, которой сможет наконец отдать свою нерастраченную нежность, подарить свои ласки, поделиться всем собой без остатка, растворившись в любимой. У Женьки, не умеющей плакать, хлынули из глаз нежданные слезы благодарности, умиления, настоящего счастья. И это сделали всего лишь его поцелуи! Она постаралась ответить тем же, вложив в движения губ все чувства, что рвались навстречу любимому. Да, да, да, сотни раз да!!! Она любила Ивана, сотворенную ею мечту, – любила безоговорочно, полностью, без остатка, без сомнений, терзаний и сожалений. Она любила его, хотела его, желала его – нестерпимо, до жгучей сладостной боли в груди, до безумного жара, который, начавшись в глубинах ее естества, разливался уже по всему телу – поднявшись, пульсируя, до самого затылка, и опустившись в то же время на бедра и ниже, в стремлении достичь кончиков мизинцев.

…Потом они долго лежали молча, крепко обнявшись, словно опасаясь, что бездонное ничто, тут же проглотит одного из них, стоит им расцепить объятия. Пусть уж лучше они растворятся в нем вместе, как только что растворялись друг в друге!..

Женька заговорила первой.

– Ты уже понял?.. Ты знаешь?

– Что ты любишь меня? Конечно же, знаю, – ответил Иван так нежно, что у Женьки перехватило дыхание.

– Это мы оба знаем давно. Но я не об этом… Ты знаешь, где мы сейчас?

Тело Ивана напряглось. Но только на миг. Он сказал все тем же, наполненным нежностью голосом:

– Да, знаю. Мы в твоем сне, Солнышко.

– Знаешь… – выдохнула Женька. – И давно?

– По правде говоря, понял это только сейчас. Когда ты спросила. Окончательно понял.

Женька почувствовала, как сердце дернулось и ухнуло вниз, наполнив рот железистым привкусом, заставив онеметь губы. В отчаянье она приподнялась на локте, умоляюще посмотрела на Ивана, но тот лишь тепло улыбнулся и помотал головой:

– Не надо, Солнышко. Не вини себя. Я не чувствую себя ущербным оттого что не существую. Ведь у меня есть ты, а больше мне ничего и не надо.

– Ты – моя мечта, – зашептала Женька. – Я полюбила мечту… Я так хотела быть с тобой, что ты стал мне сниться. Но это… Это не просто сны! Теперь уже не просто… Не знаю, как объяснить, но я знаю, я чувствую это!

– Я тоже знаю. Я помню теперь, что было раньше. Я почти чувствую себя… живым и между снами.

Женькины глаза вспыхнули надеждой. Она села и потянулась к Ивану. Но лишь ее руки коснулись плеч любимого, как она тут же отдернула их и затрясла головой:

– Нет, нет, нет! Этого не может быть! Это мне только снится!.. Мне хочется, чтобы ты так говорил, вот ты и говоришь. А на самом деле тебя нет и быть не может! Я замечталась, просто напридумывала все, сама себе запудрила мозги… Дура! Какая же я дура!..

Женька вскочила и, чуть не свалив шалаш, выбежала наружу. Иван рванулся за ней, но замер вдруг и вновь опустился на жесткие гладкие листья. Выражение отчаянья на его лице быстро сменилось задумчивостью, затем хмурые складки лба разгладились, а губы тронула едва заметная улыбка.

– Я ведь тоже теперь умею мечтать, – очень тихо сказал он перед тем как исчезнуть.

* * * * *

На сей раз, проснувшись, Женька не стала разлеживаться. И плакать не стала, хоть и очень хотелось. Даже не просто плакать, а выть. Но она лишь стиснула зубы, быстро вскочила и бросилась в ванную. Включила душ, открыв на полный напор холодную воду и отчаянно ринулась под ледяные, секущие кожу струи.

– На, на, получи! – зажмурившись, шипела она, судорожно корчась от жестокой для теплолюбивого тела пытки. – Вот так тебе, так!.. Остынь! Мечтательница! Извращенка!.. Сейчас мы твои мечты…

Договорить Женька не успела. Из-за шума воды она не услышала, как раздвинулась шторка, и сильно вздрогнула, когда на замерзшие плечи легла горячая, словно июльское солнце, ладонь.

– А мои? Что мы сделаем с моими мечтами?..

Антигорох для «принцесс»

Первой открыли Принцессу. Планета, размером чуть меньше Земли, имела плотную атмосферу и мощное магнитное поле, но вращалась очень близко от материнской звезды, красного карлика, всего в сорока миллионах километрах. На планете свирепствовали постоянные бури, вихрями раскаленного воздуха поднимающие тучи песка и пыли. На ней бушевали бесконечные грозы, отчего при взгляде из космоса темно-коричневый шарик казался искрящимся. А над полюсами, не затухая ни на мгновение, переливались волшебные по красоте полярные сияния, похожие на короны. Оттого-то планету и назвали Принцессой.

Нрав у Принцессы был слишком капризный и неуживчивый, чтобы делать из нее перевалочную базу, а та была нужна в этой системе позарез. Поиски в космосе «кротовых нор» в конце XXI века увенчались успехом. В четверти светового года от пояса Койпера обнаружилась одна такая «дырка» в пространстве. Выходила «нора» черт-те где – на другом краю Галактики, возле безымянного красного карлика. А в его окрестностях нашли сразу пять «кротовых нор». Звезда тут же получила имя Крот, и начались поиски места для базы.

Вокруг звезды кружились еще две планеты: газовый гигант и планета земного типа – почти точная копия Марса. Ее, не мудрствуя лукаво, назвали Аресом и начали там строительство.

Удача казалась очевидной, но первые сигналы беды пришли через три месяца после закладки космопорта, когда звездолет с новой партией работников прибыл на Арес. В базовом лагере царил настоящий разгром, а все поселенцы оказались мертвы. Вскрытие тел выявило единственную ненормальность: клетки мозга погибших были пропитаны допамином. Это вещество сродни наркотику, его активно вырабатывает мозг в момент сильного азарта или радостного возбуждения. Чему же могли столь сильно, буквально до смерти, обрадоваться эти люди?

Виновным оказался Крот, точнее, один из видов его излучения. Ранее ученым с ним не приходилось сталкиваться. Да и сейчас они не могли его «пощупать» – современные приборы загадочное излучение попросту не фиксировали. Феномен получил название драг-лучей. Понять, что это именно проделки звезды, помог случай, тоже трагический. Небольшая группа исследователей находилась в тот момент на Принцессе; как раз состоялся очередной сеанс связи с аресианской базой. Разговор велся сухим языком научных терминов и цифр. А потом началось странное: докладчик вдруг стал восторгаться суровой красотой Принцессы, ее вечными бурями и грозами, стал описывать, как он рад, что находится там… Казалось, он быстро и сильно пьянел. Но это было невозможным – спиртного исследователи не имели, да и в принципе уважали законы и правила.

Вскоре связь с группой оборвалась, а через пару часов симптомы неожиданной радости проявились и у персонала базы. Выжили лишь те, кто находился на подземных ярусах. Вывод был очевиден: неизвестное излучение шло именно от красного карлика. К счастью, оно было кратковременным, и от него прекрасно защищал даже двухметровый слой почвы.

Срочно были вырыты убежища, оставалось найти средство, способное заранее предупреждать людей о приближающейся опасности. Трагедия исследовательской группы подсказала выход: организовать на Принцессе постоянную вахту. При первых же признаках необоснованной радости дежурные были обязаны подать на Арес сигнал тревоги, а сами укрыться в убежище.

Для этой задачи требовались очень чувствительные люди. Дежурные тройки стали комплектовать исключительно женщинами, которых подбирали среди наиболее раздражительных, пессимистически настроенных личностей, не склонных к неоправданной радости и веселью. Условия на станции сделали очень жесткими; повышенная температура, минимум воды, без-

вкусная пища, теснота – все это могло вывести из себя даже отъявленных оптимистов. Но такие меры были вызваны необходимостью, чтобы выявить опасность наверняка.

Дежурных тотчас прозвали «принцессами на горошине». Только в отличие от сказки Андерсена здесь все было наоборот: вместо пуховой перины – жестокие неудобства, а вместо раздражающей горошины – приносящее радость излучение Крота. «Антигорох для принцесс», как невесело пошутил один из создателей проекта.

Очередная тройка «принцесс» заняла место улетевшей смены. Как обычно, дежурство началось с ругани и жалоб.

– Да они вообще охренели! – вытирая ладонями струящийся по лицу пот, воскликнула полненькая раскосая бурятка Тамара, последней выбравшаяся из скафандра в тесном до невозможности коридорчике станции. – Мы ведь не в коридоре дежурить будем, тут-то могли бы побольше места сделать!

– Жрать надо меньше, – буркнула из отсека старшая команды, худая как спица Илона. – Ничего, здесь ты быстро жир подрастопишь.

– Гадюка ты, Илонка, – прошипела Тамара. – И без того тошно, а еще ты…

– За гадюку можно и схлопотать, – огрызнулась Илона. – Командир здесь я, а неуважение к начальству карается. Еще раз услышу подобное – оставлю без обеда.

– Я уже догадываюсь, какой здесь обед, – пробурчала, заходя в отсек, Тамара. Оглядев крохотное помещение, где между трех кресел и протиснуться-то можно было с трудом, она с выражением матюгнулась.

– За маты тоже буду наказывать, – зыркнула на бурятку Илона.

– Ладно… – проворчала та и опять закрутила головой. – А где же тут спать и… это… которое в рифму? – смягчила она вопрос, не рискуя злить понапрасну Илону.

– Спать будем в этих же креслах. А туалет – в убежище, – кивнула на люк в полу Илона. – Кстати, того, кто станет занимать его дольше пяти минут, лишу обеда. Чтобы меньше… это… в твою рифму.

– А почему ты смотришь на меня? – возмутилась Тамара. – Я что, его уже занимала?

– Ты все-таки нарываешься? – поджала тонкие губы Илона.

– Девчонки, да перестаньте вы ссориться! – повернулась к ним молчавшая до той поры белокурая, кареглазая Жанна. – Вы посмотрите лучше сюда, – вновь, вместе с креслом, развернулась она к иллюминатору. – Красотища-то какая!

Снаружи бесновался обычный для Принцессы ураган. Кроме бурой мельтешащей пелены, от непрестанных вспышек молний становящейся на мгновения красной, ничего не было видно. Песок занудно и настойчиво скребся о стены, готовый свести с ума бесконечным шуршанием.

– Ты что, Жанка, рехнулась? – разбрызгивая капли пота, замотала головой Тамара. – Где ты нашла красоту? В заднице и то красивей!

– Гулина! – рявкнула Илона. – Сегодня ты не обедаешь!

– А что я сказала-то?! – задыхаясь от возмущения, возопила Тамара. – Это же не мат!

– За пререкания с командиром останешься и без ужина.

– Тьфу ты! – сплюнула бурятка и решила сорвать злость на Жанне: – Это все ты! Красота, красота!..

– Но ведь и правда же красота, девочки, – улыбнулась Жанна. – Вы посмотрите, она словно живая. Будто кровь пульсирует. И поет…

– Что делает? – нахмурилась Илона.

– Поет. Вот послушайте! Я, правда, петь не умею… – И девушка, нервно взъерошив золотистые волосы, заговорила вдруг плавным речитативом:

– Шепчущий шорох шуршит за стеною,
Бурым медведем, замерзшим в берлоге…
Как одиноко ему! Он со мною
Хочет делить и печаль, и тревоги…

– Замерзшим? – фыркнула Тамара и снова ладонями вытерла пот. – Да тут свариться можно!

– Погоди-ка… – с тревогой уставилась на Жанну Илона. – Ты чего это, подруга? Что, совсем хреново? Ты, часом, не того с непривычки? – постучала она согнутым пальцем по лбу.

– Нет, что ты, Илонка, – улыбнулась Жанна. – Просто мне хорошо.

– Что тебе?.. – вздрогнула Илона и перевела взгляд на Тамару: – Тебе тоже хорошо?

– Охренеть как! – цыкнула та, подняв большой палец. Затем сменила его на средний.

– Отставить шуточки! – вскочила из кресла Илона. – Доложите по форме о своих ощущениях! Зимина!..

– Илон, да ты чего? – медленно поднялась из кресла Жанна. – Я ведь не в том смысле хорошо, а вообще…

– Ей хорошо, что к нам медведь лезет, – захихикала вдруг Тамара. – Бурый.

– Ну, если бурый, то конечно, – улыбнулась вдруг Илона и расслабленно плюхнулась обратно на место. – Такой большой, волосатый, вонючий мишка! Эх-х, девки, вот бы и впрямь, а? – Она засмеялась неприятным скрипучим смехом, а Тамара заливалась уже вовсю, едва не падая с кресла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.